

Наталья Бушнева

16+

"Серая шейка", или Предчувствие любви

Наталья Бушнева
«Серая шейка», или
Предчувствие любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55717454

SelfPub; 2020

Аннотация

В повести описан период взросления и формирования характера вчерашней школьницы – ровесницы войны: скромной, немного наивной, самокритичной в отношении себя и к окружающим. Для этого возраста свойственно состояние предчувствия любви. И помимо решения таких важных для себя вопросов, как то: "Кто я в этом мире и в чём моё предназначение?", наша героиня пытается ответить и на вопрос: "А что такое любовь?"

Содержание

Глава 1. Аттестат зрелости. Выбор профессии	4
Глава 2. Другая жизнь и другие отношения	28
Глава 3. Семейные будни	50
Глава 4. Трудовые семестры	64
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Глава 1. Аттестат зрелости.

Выбор профессии

Раннее весеннее утро. В окно комнаты заглянул первый солнечный лучик. Сначала проснулась Юлия, мать оставшихся на её попечении троих детей: старшей Наташи и младших – Руслана и Милочки. С тяжёлым вздохом женщина присела на край кровати и оглядела спальные места своей семьи, расположенные вокруг массивного стола, стоящего в центре их небольшой комнатки. Дети ещё спали. Наташа – на диване, Милочка на маленькой кушетке, Руслан на кровати, стоящей в соседнем помещении – на махонькой кухне, треть которой занимала дровяная печь. В комнате же стояла ещё одна кровать, которая пустовала, и была прикрыта простым пикейным покрывалом.

Юлия снова тяжело вздохнула и впервые после последних событий в тишине этого начинающегося дня задумалась о себе, о детях, о своей жизни и о своих новых заботах во вновь создавшихся условиях. Вчера был день прощания с её мужем, день его похорон. А сегодня у неё в голове – одна лишь звенящая пустота и ни одной дельной мысли, хотя они были бы весьма кстати. Вот как ей жить дальше? Как поднимать детей на ноги, какой путь им указать? Она пока не знала ответов на эти вопросы.

После тяжёлой и мучительной болезни её муж, Алексей Васильев, в возрасте 50 лет скончался, оставив ей в наследство четырёх детей. Правда, старшенький сын Володя уже вылетел из родительского гнезда. Совсем недавно он обзавёлся своей семьёй и ребёночком. И не о нём её печаль. Юлию беспокоила судьба других её детей, оставшихся под её крылом.

Алексей был добрым, весёлым человеком, большим романтиком и выдумщиком. Когда его призвали в ряды Красной Армии в самом начале Великой Отечественной войны, его семья проживала в городе Алма-Ата, и у них с Юлией было двое детей: Вовочка в возрасте 7 лет и недавно родившаяся Наташка. А после войны Алексей загорелся идеей дать жизнь ещё как минимум двоим. И обязательно, чтобы был мальчик – Руслан и девочка – Людмила, как в известной сказке знаменитого русского поэта Александра Пушкина. Детей Алексей очень любил, и мечтал о большой многодетной семье.

И свою мечту он осуществил, несмотря на весьма тяжёлые жилищные условия, нехватку денег и плохое здоровье, подорванное полученными на войне ранениями и контузиями. Да, у них с Юлией, как по заказу, сразу после войны родился сначала сын, а спустя 5 лет – и девочка. Вот так в их семье появились ещё дети: Руслан и Людмила.

И их многодетная семья продолжала ютиться в маленькой однокомнатной квартирке с маленькой кухонькой, в которой

не было никаких удобств. Отопление дровяной печью, вода в колонке на углу двух улиц, туалет общий во дворе. Двор тоже был общий, хотя он в большей степени принадлежал ресторану города, чем жильцам их небольшого деревянного дома старой постройки, где проживало шесть семей. Всем жителям их дома соседство с рестораном, с его многочисленными складами, прачечной, кочегаркой, припаркованными во дворе грузовыми машинами, спящим рабочим людом доставляло много неудобств.

Единственное достоинство этого дома состояло лишь в том, что он находился на тихой улице Красина почти в центре города. Одним концом улица упиралась в известный в городе парк воинской славы – «Парк 28 Гвардейцев-панфиловцев». А другим своим концом улица пересекалась с шумной и многолюдной улицей М. Горького, где были сосредоточены разные продуктовые и промтоварные магазины и большой городской базар.

И вот из этого дома Алексей ушёл на фронт, сюда же он вернулся после войны, здесь более двух десятков лет он прожил со своей семьёй, детьми... И вот теперь Алексея больше нет. Ушёл он из жизни и оставил Юлию одну на один со своими проблемами и переживаниями за будущее их детей. Конечно, её беспокоила самая младшенькая, слабенькая и постоянно болеющая простудами Милочка. Она в этом году впервые пойдёт в школу. И впереди целых 10 лет, пока она эту школу окончит. Где найти силы, чтобы поднять её на но-

ги, обучить, воспитать?

И с Русланом ей не легче. Он заканчивает 6-ой класс, через год его можно будет из школы перевести в какой-нибудь техникум – поближе к получению и среднего образования, и профессии. Только, что она ему может посоветовать? Возраст у сынишки сейчас сложный, переходный. В последнее время он стал каким-то строптивым, непослушным, ершистым. Ранее воспитанием своего любимчика полностью занимался Алексей. И у него это хорошо получалось. Однако его болезнь вмешалась в отношения между отцом и сыном, разорвала некогда нерушимую связь между взаимно любящими друг друга людьми.

Но больше всего Юлию сейчас беспокоила её старшая дочь Наташа. Недаром говорится: большие детки – большие бедки. Через месяц у неё начинаются выпускные экзамены на аттестат зрелости. А как к ним готовиться, как их сдавать, если дочку смерть отца подкосила, вывела из равновесия. Вчера она всех напугала своими рыданиями и нескончаемым потоком слёз в течение всего дня. И только к вечеру она вдруг успокоилась, но стала безучастной ко всему вокруг, как бы отстранённой от происходящих событий.

«Ну ладно, экзамены-то она как-нибудь сдаст, а вот что потом ей делать после школы... Что ей я могу посоветовать?..» – размышляла Юлия. Дети спали, а вот Юлии долго разлёживаться нельзя. Ей нужно думать, как жить дальше, чем детей кормить, во что их одевать и обувать. И не толь-

ко думать, но и что-то предпринимать. И не только это. Самое главное, как помочь им, подсказать, направить их силы и желания в правильном направлении. Сама-то Юлия окончила только начальную школу, не имела никакой специальности и раньше нигде не работала. В семье всё держалось на Алексее. А Юлия была просто любящей матерью 4-х детей и образцовой домохозяйкой.

«Ох, и как же мне разобраться со всеми этими проблемами? – тяжёлые мысли ворочались в звенящей пустоте. – Ничего, ничего... Как-нибудь всё потихоньку образуется... Главное, не показывать детям свою растерянность, не опускать руки и не паниковать. Мы всё преодолеем, с голоду не умрём. Войны нет... Если что, люди помогут, кто советом, а кто и делом». – Юлия опять вздохнула, вытерла наворачнувшиеся на глаза слёзы и вышла из комнаты на кухню.

Как только мать прикрыла за собой дверь, старшая её дочь Наташа повернулась на другой бок и растянула свои затёкшие руки и ноги. Она давно уже не спала, слышала вздохи мамы и боялась пошевелиться, чтобы не нарушить её уединение в своём горе. В тесноте их маленькой квартирке это было так важно время от времени оказаться один на один со своими мыслями. А Наташе сегодня не хотелось идти в школу. И завтра бы она не пошла... И послезавтра... Она боялась встретиться с сочувствующими взглядами своих соклассников и учителей. Рана, нанесённая кончиной отца, была такая неожиданная, и такая ещё свежая, что она может

снова не сдержаться и снова расплакаться, как это произошло с ней вчера. А ей этого очень не хотелось, тем более в школе и на виду у всех...

* * *

Спустя несколько дней Наташа всё-таки заставила себя пойти в школу. Нужно было заканчивать учёбу в 10-ом классе, готовиться к выпускным экзаменам на аттестат зрелости. А как к ним готовиться, если глаза у неё постоянно на мокром месте, и в школу она пошла, как на каторгу. Однако в этот день там её никто не беспокоил ни словом, ни взглядом. И только после всех уроков её классная руководительница попросила Наташу и старосту их класса Турчинову Дину задержаться. Раиса Григорьевна сначала начала выражать Наташе соболезнование от себя и от лица всего класса, но увидев задрожавшие губы девушки, сразу же торопливо, без паузы перешла к другой теме и предложила:

– Наташа, мы тут с Диной посоветовались и решили, что тебе обязательно нужно готовиться к экзаменам с кем-нибудь. Вот Дина согласилась тебе помогать. Будете к экзаменам готовиться вместе. Хорошо?

Наташа кивнула в ответ. Ей было всё равно. Сказали: заниматься с Диной, она без сопротивления согласилась, хотя с ней она никогда раньше не дружила и почти не общалась. Вот почему-то Раиса Григорьевна не предложили эту мис-

сию Наташиной подружке Гале Бекетовой, а выбрала Дину. Почему? Может быть потому, что Дина – круглая отличница?.. Наташа в такие тонкости не вникала. Однако мысленно она сказала спасибо тому, кто это придумал, так как присутствие около неё в то время постороннего человека не позволит ей расслабляться, уходить в себя и плакать. Обычно на людях она стеснялась проявлять свои эмоции. А ей нужно завершить обучение в школе и получить аттестат, соответствующий её знаниям.

И вот теперь с утра Наташа уходила к Дине и возвращалась домой только вечером. Готовились к экзаменам дома у Турчиновых. Динина мама весь день была на работе, и девушкам никто не мешал заниматься с утра и до вечера. Потом Наташа приходила домой, ужинала, прочитывала пройденное с Диной за день и ложилась спать. А рано утром снова подъём и опять всё сначала: стакан чая, трамвай, Дина, её опрятная светлая комната в новом доме, учебники, тетради, записи... Потом всё в обратном порядке. А чем в это время занимались её младшие братишка и сестрёнка, как они переживали постигшую семью утрату, она толком не вникала. Знала только, что Руслан исправно ходит в школу, а Милочка целый день при маме.

* * *

Закончила Наташа школу хуже, чем это ожидалось. У неё

в аттестате появились четвёрки по некоторым гуманитарным дисциплинам, а остальные были пятёрки. Но и это было хорошо.

...Потом был выпускной вечер в конференц-зале главного корпуса Академии Наук, которая предоставила своей подшефной школе свои помещения. Выпускное бальное платье для Наташи приобрести не успели, было не до того. Она с мамой задумалась об этом только перед самым выпускным вечером. Сходили они в магазин «Ткани», выбрали дешёвый однотонный материал светлого оттенка и сами сшили обычное летнее платье. Вот так, за два вечера в Наташином гардеробе появилось скромное светло-жёлтенькое одеяние с гладким прилегающим лифом и пышной юбкой. Худая, осунувшаяся от пережитого, она в этом скромном наряде была похожа на тощего цыплёнка, который только-только начал оперяться. Но это платье ей очень понравилось, и потом она в нём ходила на студенческие вечера.

А на голове у неё в этот день, как обычно, были две туго заплетённые косички, подвязанные друг к другу на затылке крест-накрест с помощью узеньких белых ленточек. А как были одеты другие её соклассницы, какие они демонстрировали свои наряды и причёски, она в упор не видела и не замечала.

Все эти дни Наташа существовала как во сне, в тумане своих горьких мыслей и воспоминаний: «Папочка, ну, как же ты мог нас покинуть? Почему тебя нет с нами?.. И как это

возможно?.. Вот был человек, и вот его уже больше нет... Я не понимаю!»

В академовской столовой выпускникам организовали торжественный ужин, чай с пирожными. Потом в огромном фойе с мраморными колоннами были танцы, затем гуляние до утра по улицам города, встреча восхода солнца...

Всё было, как положено и как принято, но у Наташи это происходило как-то обособленно от её сознания, без эмоций, с горьким осадком на сердце – отца больше не было. А как ей хотелось, чтобы он поделил с ней радость по поводу этого знаменательного события в её жизни; подсказал бы, как жить дальше, чем заниматься. И как часто в дальнейшем она мысленно сверяла свои поступки и действия с тем, как мог бы отреагировать на них отец. Ей ещё долго не будет хватать его соучастия в её жизни, его мудрых советов. Да и сейчас Наташе был нужен совет по самому главному вопросу: что делать после окончания школы. Пойти работать или продолжить учёбу в вузе? Если работать, то кем и где? Если пойти учиться, то какую выбрать профессию?

Для многих оканчивающих среднюю школу это были всегда важнейшие вопросы, решение которых определяло всю остальную, уже взрослую жизнь. А школы того времени очень плохо готовили молодёжь к самостоятельной жизни и самостоятельным решениям.

Сразу после выпускного вечера Наташа решилась на откровенный разговор с мамой о своей дальнейшей жизни:

– Мама, может быть мне устроиться куда-нибудь на работу? Ведь на что мы теперь будем жить? Но я, право, даже и не знаю, где бы я могла работать? Но нужно же что-то делать! Посоветуй... Вот, я могу шить. Может пойти в какое-нибудь ателье? Или нянечкой в детсад? Помнишь, я ходила от школы в подшефный детский сад. Ничего, справлялась.

– Вот что, Наташа. Никакой работы! Отец мечтал, чтобы ты училась дальше. У меня, как ты знаешь, всего четыре класса. Володя окончил только десятилетку, и дальше учиться не захотел. Так хоть ты не подведи. И в память об отце ты должна поступить в институт! Ты должна получить высшее образование! О деньгах не беспокойся – это станет моей заботой. На Милу и Руслана будет небольшая пенсия. Ты будешь получать стипендию. Лучше я сама пойду работать. Ведь шить и я умею. А ты должна учиться дальше... Ты раньше отцу говорила, что тебя интересует химия. Вот и реши, куда тебе лучше поступать. Посоветуйся с кем-нибудь из учителей. Они лучше, чем я, подскажут, какой институт тебе выбрать.

Вероятно, вопрос о дальнейшем образовании Наташи волновал не только её мать, но и всех их знакомых. Мно-

гие звонили, давали советы, но все были единодушны: дочка Алексея должна продолжить обучение в память об отце.

Наташа пошла в школу, в надежде встретить там учителя химии и посоветоваться с ней. Но неожиданно, не доходя до школы, она встретила директора, Клавдию Ивановну, пожилую и очень строгую во всех отношениях даму. Наташа её даже немного побаивалась. Поэтому, поздоровавшись с ней, она хотела быстренько пройти мимо. Но директриса, к её удивлению, остановила девушку и стала разговаривать с ней непривычным для неё дружеским тоном, располагающим к откровенности. Поинтересовалась, как здоровье мамы и что сама Наташа собирается делать дальше. И та с ней поделилась своими сомнениями в отношении своей дальнейшей деятельности. Когда Клавдия Ивановна узнала о решении Наташиной мамы, то всецело его поддержала.

– Да, Наташа, твоя мама права. Тебе нужно учиться дальше. Ты это сможешь, у тебя к этому призвание. Что тебя больше всего интересует? Куда бы ты хотела пойти учиться?

– Мне очень нравится химия, особенно органическая химия. В то же время я чувствую в себе способности к преподавательской работе. Может быть, мне поступить в педагогический институт? Буду, как наша Надежда Антоновна, учить детей химии.

– Я думаю, что тебе лучше поступить в университет на химический факультет. Там ты получишь более серьёзную подготовку по химии, чем в пединституте. А преподавать ты

сможешь и после университета. Там этому тоже учат. И после университета у тебя будет больше перспектив: ты сможешь или заниматься наукой, или преподавать химию в школе, а может быть и в каком-нибудь институте.

– Клавдия Ивановна, спасибо за совет! Вот и мой папа тоже мне что-то говорил о науке, о каких-то докторях, но не о врачах, а о тех, кто пишет диссертации... Я не совсем его поняла...

– Всё правильно! Твой отец мечтал о твоём дальнейшем серьёзном образовании. А будешь ли ты потом заниматься наукой или нет, со временем сама решишь. Самое главное, сейчас нужно определиться с вузом и постараться в него поступить.

Наташа ещё раз поблагодарила Клавдию Ивановну и решила более подробно разузнать об университете. Оказалось, что химический факультет Казахского государственного университета находился совсем близко от их дома, рядом с парком «28 Героев-панфиловцев». И всего-то нужно было пройти через парк и сразу выйти к зданию бывшей мужской гимназии бывшего города Верного, а ныне Алма-Аты, где уже много лет располагался химический факультет университета. Там Наташа выяснила условия приёма и окончательно приняла решение: «Папочка, я буду поступать на учёбу в университете! Я хочу стать химиком! И я им стану!»

В один из вечеров домой к Юлии зашла их давняя знакомая Каролина Юзефовна. Сначала женщины о чём-то между собой пошептались, а потом позвали Наташу. Каролина поинтересовалась, насколько серьёзно решение девушки о выборе профессии химика, и предложила ей встретиться с профессором Бекбаевым. У него она служила экономкой, и он также приходился родным дядей Наташиной школьной подруги Светы. Между прочим, с ней её когда-то близко познакомила именно Каролина, хотя девушки училась вместе в одной школе, но в параллельных классах. Но вскоре Свету родители перевели в вечернюю школу, и Наташа с ней стала встречаться крайне редко. Но несколько раз от неё она слышала про её знаменитого дядю. Но то, что Бекбаев является профессором, доктором именно химических наук, она услышала впервые.

– А зачем мне с ним встречаться, Каролина Юзефовна?!

– Ну, мало ли зачем. Он человек знающий, работает в Академии Наук, преподаёт химию на химическом факультете университета. Он поговорит с тобой, может что-нибудь и посоветует. А лишний совет тебе не помешает.

Наташе пришлось согласиться с такими доводами. И вот в назначенный день и час она подошла к подъезду, где жили Бекбаевы. А жили они тоже на улице Красина в «Доме

учёных», как раз напротив Наташиного дома. Сначала из подъезда вышла Каролина, потом сам профессор. Каролина представила ему свою протезе. Перед Наташей стоял высокий благообразный мужчина. Его удлинённое лицо с высоким лбом с залысинами было обрамлено густой седой шевелюрой. Профессор извинился, что у него много дел, и предложил поговорить с Наташей по дороге к себе на дачу.

Все сели в легковую машину и поехали по проспекту Ленина вверх в сторону гор. Наташа с тётёй Каролей устроилась на заднем сидении и всю дорогу обзревала прямую спину профессора и его гордо посаженную голову. Профессор чем-то напоминал девушке льва в самом хорошем смысле этого слова: старого, мудрого льва.

Почти всю дорогу все молчали. Профессор задал Наташе всего несколько малозначащих, как ей показалось, вопросов. Она думала, что он будет её экзаменовать по химии и таким образом выяснит, годится ли она для такой профессии или нет. А вопросы были какие-то далёкие от основ химии: «Как вы окончили школу?», «Кто ваши родители?», «Почему выбрали химию?», «Какая область химии вам больше всего нравится?». Наташу поразило, как уважительно обращался к ней профессор. Кто она? Бывшая школьница. А вот в обращении постоянно звучало «вы», «ваши». Наташа сказала, что её интересует «органическая химия». При этих словах профессор, обернувшись к Наташе, как-то странно вскинул свои густые брови и глянул на неё, наверное, впервые за всё

время поездки. Каролина тоже вся напряглась и насторожилась.

Потом она объяснила, что лучше бы Наташа не напоминала её хозяину о какой-то «органической химии». Ведь сам он был светилом в области «неорганической химии», а с кафедрой «Органической химии», точнее с её заведующим, у него, якобы, были натянутые отношения. Ну, откуда могла знать молоденькая девчушка, только что окончившая школу, что между людьми, кафедрами, научными руководителями и научными дисциплинами могут быть такие запутанные и негативные связи.

Вскоре приехали на дачу профессора. Наташа отметила для себя, что та находилась недалеко от дома их знакомых, дяди Гоши и тётки Вали Коротковых, и тоже на берегу речки Алма-атинки. Профессор раскланялся с девушкой и удалился. Наташа удивленно и разочарованно посмотрела на Каролину Юзефовну.

– И это всё? Я думала, он мне на даче экзамен устроит. Я же толком сегодня не спала, всю ночь листала учебник. А он меня фактически ни о чём не спросил.

– Наташа, всё в порядке! Не беспокойся. То, что ты ответила, этого достаточно. Ты немного погуляй здесь в саду, сходи на речку, а потом я провожу тебя до городского транспорта.

И только после сдачи всех вступительных экзаменов Наташа смогла догадаться, для чего была организована эта встре-

ча. Профессору не нужно было никого экзаменовать, он просто должен был увидеть ту девушку, за которую очень хлопотала его экономка и просила помочь при сдаче экзаменов. По отношению к ней экзаменаторов на вступительных экзаменах Наташа поняла, с кем в отношении её была предварительная договорённость. Вообще-то Наталья была немного тугодумкой, медлительной в размышлениях, сомневающейся в своих выводах: любое своё решение она основательно взвешивала. Такая черта характера – хорошая, или плохая?.. И да, и нет. Всё зависело от конкретной жизненной ситуации.

* * *

Для поступления на химический факультет необходимо было сдать четыре экзамена: сочинение, химию, физику, иностранный язык. Откровенно, Наташа сильно сомневалась, что сможет всё сдать на «отлично». Она наслушалась всяких баек о злых экзаменаторах и робких стеснительных абитуриентах. А она, в то время как раз относилась к категории робких, стеснительных людей. Кроме того, конкурс в этом году на химическом факультете был достаточно высокий по сравнению с прошлыми годами: 3–4 человека на место. Такого раньше никогда не было.

Одной из причин неожиданно возросшего интереса к химии явился мощный всплеск развития всей химической про-

мышленности и в том числе молодой её отрасли – «химии полимерных материалов». Изделия из пластических масс буквально на глазах заполнили быт людей. Все восхищались нейлоновыми кофточками, немнущимися тканями из лавсана, небьющейся посудой и даже красочными полиэтиленовыми пакетами, и многими-многими другими вещами. Всё было в диковинку. Это позже придёт осознание того, что не всё было благополучно в мире полимерных материалов. Что такое электростатическое напряжение, люди познавали на себе. Все «искрились» в темноте и «стреляли» друг в друга малыми разрядами при соприкосновении. А утилизация этих вечных изделий? Это целая проблема для Матушки-природы!

Но мы отвлеклись от своего повествования, хотя о некоторых курьёзных случаях в жизни наших героев хотелось бы рассказать именно сейчас.

...Как-то Алексей из командировки в Москву привез жене в подарок жаропрочную, стеклянную кастрюльку с крышкой.

– Юленька, посмотри-ка, что я тебе приобрел! Новинка современной химии! Будешь в этой кастрюльке готовить обед и наблюдать, как овощи бегают в догонялки друг за другом. Она и не бьётся, хоть молотком бей! Я уже в гостинице пробовал: ронял на пол. Как видишь – целая!

Юлия с недоверием крутила в руках стеклянное чудо, думая о том, где в хозяйстве его можно будет приспособить. Но

только не на огонь! Алексей, видя её сомнения, взял плоскую крышку от кастрюли, собрал вокруг себя всех домочадцев, поднял крышку над головой и... выпустил её из рук. Все с ужасом закрыли руками лица и отвернулись. Только один Алексей стоял гордо, как победитель, и улыбался в ожидании всеобщего изумления и восторга. Но через мгновение полёта крышка, соприкоснувшись с полом, разлетелась вдребезги на ровные округлые осколки, как бы рассыпалась. У Алексея вытянулось лицо, и был такой потешный растерянный вид, что все, несмотря на испуг, долго хохотали, хватаясь за животы. Ну не знал Алексей, что небольшой процент таких изделий все-таки разбивается. И этот процент достался ему.

Позднее, когда Наталья уже была обременена семьёй и детьми, ей пришлось отдыхать и лечиться в санатории Боровое в Казахстане. И если она действительно нуждалась в лечении, то её соседки по палате больше колесили по всем близлежащим посёлкам и в их магазинчиках скупали дефицитные в городах, но не нужные здесь в сельской местности некоторые вещи. Так им удалось, выстояв очередь таких же, как они отдыхающих, купить искусственные хрустальные вазочки. Вазочки выглядели красиво, но чувствовалось, что это была штамповка, и это было не стекло.

На улице был мороз до минус 20-ти градусов, и купленные вазочки после холода оказались на тумбочках в палате. Хозяйка одной из вазочек поставила её под включённую настольную лампу, чтобы показать всем игру света в резных

узорах хрустали. И вот такая вазочка, которая не «бьётся от удара», разлетелась в один миг, как от взрыва, на множество мелких кусочков, не выдержав перепада температур. И это тоже был пресловутый процент, который достался Наташиной соседке по палате.

Так что в конце 50-х годов и в последующие десятилетия к химии у многих был чисто практический интерес. Была и другая причина возросшего конкурса на химическом факультете. Это приказ Министерства высшего образования об организации специального отделения для тех, кто проработал не менее 2-х лет на химическом производстве или другом, каким-либо иным боком связанным с химией. Для «производственников» проходной балл был намного ниже, чем для вчерашних школьников. Раньше такие льготы предоставлялись только юношам, отслужившим в армии. И вот в этом году еще и производственникам дали послабление! Соответственно, конкурс увеличился, и шанс поступить в вуз для вчерашних школьников резко упал.

* * *

С первого августа начались конкурсные экзамены... Сочинение Наташа написала на оценку «хорошо»: она не поставила всего лишь две запятые. Химию она сдавала комиссии из трёх человек. Главной среди них была женщина лет 40–45, и были ещё два молодых ассистента. Спрашивали На-

ташу в основном по вопросам экзаменационного билета, ей задали всего лишь один дополнительный и довольно-таки простой вопрос. Удовлетворившись её ответами, члены комиссии поставили «отлично». Наташа была крайне удивлена добродушием комиссии. А ведь ей рассказывали такие страсти! И это был экзамен по главному предмету!

Однако следующий экзамен развеял Наташино радужное настроение. Физику принимал молодой казах, очень худой, низенького роста, с неприглядной внешностью, но весьма высокого мнения о себе. Казалось, что на протяжении всего экзамена главной его целью было не выяснение знаний абитуриентов, а демонстрация им своих познаний и своего остроумия. С кислой миной на лице он выслушивал ответы абитуриентов, с каким-то злорадством задавал дополнительные вопросы сверх программы. Наташа ответила на все три вопроса билета, решила задачу и уже ожидала отличную оценку. Но её вдруг стали «засыпать» дополнительными вопросами, которые ставились в лоб, с подковыркой: «А ну-ка, вот вам ещё маленький вопросик. Ага! Не знаете!» А времени на обдумывание вопросов не давали. Девушка не смогла сходу на них ответить, ведь она была очень медлительной и неторопливой в принятии важных решений.

– Ну что, уважаемая, не тянете вы на положительную оценку, – с каким-то явным удовольствием произнёс молодой джигит. – Мы можем поставить вам только «удовлетворительно», – при этих словах его ручка зависла в воздухе.

Наступила тягостная пауза. Наташа была сильно расстроена. Она не понимала смысла задаваемых вопросов, а переспросить не решалась. Но экзаменатор решил её окончательно добить, и, может быть, хотел поставить «неудовлетворительно»? И опять с каким-то явным подвохом задал Наташе ещё один вопрос, причем, как он сказал, «последний, решающий вопрос». И, о счастье! О вопросах подобного типа Наташе рассказала Дина, когда они вместе готовились к выпускным экзаменам. Вопрос был как бы из школьной программы, но условия заданы «наоборот». В школе ничего подобного, выходящего за рамки учебника, тогда не давали, поэтому вопросы с несколько иными условиями обычно ставили школьников в тупик.

Но на этот вопрос Наташа знала правильный ответ! И тут её охватила злость. Уж физику в школе она всегда знала на «отлично»! А тут ей устроили экзекуцию, чтобы специально завалить на экзамене! Ну, хорошо, если бы так принимали экзамен по химии, а то по физике! И Наташа решила немного подыграть зарвавшемуся экзаменатору: с ходу не давать ответа, чтобы не показать, что с таким вопросом она якобы была ознакомлена ранее. Девушка сделала вид, что вопрос её сильно озадачил, она набросала на бумаге схему прохождения луча света в разных средах, наморщила лоб... и потом решительно дала ответ с полным объяснением. Экзаменатор был крайне удивлён и даже разочарован. Он явно не ожидал от этой абитуриентки правильного ответа, причём на

его «коронный» вопрос, но отступить было некуда. И скрепя сердце он поставил ей «хорошо».

Запомнился Наташе экзамен по английскому языку. А с языками у неё всегда была напряжёнка. Чтение и перевод текста со словарём, грамматику она обычно всегда отвечала без каких-либо затруднений. А вот разговорная речь на английском языке – это для девушки была непосильная задача. Сначала ей задали весьма примитивные вопросы типа: «Кто вы?», «Где живёте?», с которыми девушка справилась. Затем экзаменатор задала вопрос, который Наташа не до конца себе уяснила, но поняла, что он как-то касается её отца. Она с трудом выдавила из себя на английском: «Мой папа умер» и замолкла с трясущимися губами. На вопрос: «Когда умер?» Наташа шёпотом уже на русском языке ответила: «Два месяца назад». К счастью, преподавательница с сочувствием отнеслась к девушке, не стала её мучить разговорной речью и поставила «отлично».

Таким образом, Наташа набрала 18 баллов. А проходной балл у «школьников» был 19–18, то есть не все абитуриенты с 18 баллами могли претендовать на зачисление. Поэтому список поступивших на химфак абитуриентов Наташа рассматривала с замиранием сердца. Рядом с ней также мучительно разыскивали свои фамилии ещё две девушки: Валя Короленко и Таня Баркова. Все они окончили алма-атинские школы в этом году и за время вступительных экзаменов подружились.

– Ура! Я поступила! – раздался радостный возглас Татьяны.

Через некоторое время и Наташа осевшим от волнения голосом прошептала: «Ура! Я – студентка! Папочка, я – студентка!» А Валя, молча, снова и снова утюжила весь список напряжённым взглядом, водила пальцем по строчкам, но её фамилии в списке не было. Подруги стали ей помогать, но фамилии Короленко в списке не было. Были аж четыре фамилии Перовых, но Короленко – ни одной.

– Валя, такого не может быть! Ты же лучше нас сдала экзамены! И проходной балл у тебя 19! Пошли в деканат – будем выяснять!

Но Валя с трясущимися губами отчаянно мотала головой: в этот момент от обиды она не могла даже говорить. Тогда в деканат пошли Наташа с Таней, а Валу они оставили в коридоре. В большой светлой комнате деканата за столом сидела очень приятная женщина среднего возраста и что-то печатала на машинке. Девушки обратились к ней. Она сразу же отложила свою работу, среди кучи бумаг нашла черновой вариант списка поступивших абитуриентов.

– Короленко В. – 19 баллов, зачислена, – прочитала она. – Всё в порядке!.. Это какое-то недоразумение. А ну-ка, девушки, посидите здесь. Я к декану. Сейчас всё выясним, – через несколько минут она вернулась и, улыбаясь, сказала: – Извините нас. Когда печатались окончательные списки, то фамилию Короленко случайно пропустили. Где потерпев-

шая? Декан приказал мне извиниться перед ней лично.

– Валя, Валя! Ты – студентка! Ура! Да не плачь! Всё в порядке! Твою фамилию случайно где-то обронили, просто взяли... и потеряли! – девушки весело тормозили Валентину, шутили, смеялись.

На радостях уже не абитуриентки, а студентки-первокурсницы пошли в парк, благо он был через дорогу. Там они купили себе по эскимо и таким образом отметили своё поступление в вуз. На большее у них не было средств. Затем они разбежались по домам, чтобы порадовать своих близких приятной новостью.

Глава 2. Другая жизнь и другие отношения

Юлия очень обрадовалась тому, что Наташа поступила в Университет. Её мечта и мечта её мужа, о получении дочерью высшее образование, осуществилась. Ничего, что Наташа пока только зачислена на первый курс. Но раз она поступила, то обязательно закончит обучение. В этом Юлия не сомневалась. Она позвонила всем знакомым и в первую очередь Каролине Юзефовне, чтобы сообщить им радостную новость.

Девушку же мучили противоречивые чувства. Она и рада была, что сможет учиться дальше, и в то же время ощущала себя неудобно оттого, что её стипендия в 18 рублей никак не была сопоставима с той зарплатой, которую она могла бы получать, если бы пошла работать. Возможно, что если бы она сейчас не поступила в университет, то особо и не опечалилась. Значит, судьба. И тогда бы она с лёгким сердцем пошла работать и этим самым смогла бы помочь матери. Ведь она теперь совершеннолетняя и старшая в семье, после мамы, конечно. А её брат Володя? А у того свои заботы, у него своя семья, и уже есть ребёнок – её племянник Женечка.

В скором времени разрешилась и финансовая проблема. У Юлии была сестра Тося, проживающая в этом же городе

с мужем Андрианом Якушевым и двумя сыновьями: Герой и Юрой. Так вот Тося и нашла Юлии клиентку для пошива лёгкой одежды. Это была Вера Михайловна Маслякова, которая работала в «Глазном институте» научным сотрудником. Она уже давно защитила кандидатскую диссертацию, а сейчас трудилась над докторской. Всё бы было у неё хорошо, но вот одна проблема не давала ей покоя. Ей было очень сложно подобрать на себя одежду, а фактически невозможно, так как у неё была нестандартная фигура. Портнихи в мастерских не справлялись с её габаритами и всегда портили её заказы. Невероятно большой бюст у неё сочетался с очень низким ростом и узкими бёдрами. Она чем-то походила на эстрадного артиста более позднего времени – Веру Сердючку. Надо же, совпадение имён! Только рост у нашей Верочки был намного ниже, и она была женского рода.

Тося жила с ней по соседству и привела её к своей сестре, чтобы та хоть как-то помогла устранить дефекты в только что принесённом из ателье платье. Действительно, платье сидело на Верочке ужасно! Особенно шокировал плохо подогнанный лиф платья с несколькими выточками на бюсте, которые очень бросались в глаза, так как были прошиты неумело, какими-то «сосочками». Представьте себе огромный бюст, окруженный кучей «сосочков». В довершении ко всему, юбка со спины оттопыривалась, как хвостик у уточки. Юлия взялась за такую работу. Пришлось где-то подпороть, что-то ушить, но платье стало сидеть как влитое, даже на та-

кой нестандартной фигуре. Вера Михайловна была очень довольна результатом и стала слёзно просить Юлию взять над ней шефство в плане пошива для неё одежды.

– Да я бы и согласилась, но ведь кроить я не умею! Я могу только шить! Вот если только Наташа сможет сделать на вас выкройку... Она у меня окончила курсы кройки и шитья при доме пионеров. С чертежами она отлично справляется. Наташа, сможем мы помочь Вере Михайловне?

Наташа присутствовала при этом разговоре. И хотя с большими сомнениями, но дочь с матерью решили для начала сшить для Верочки самую простую вещь – ситцевый халатик. Наташа измерила её объёмы, составила выкройку, раскроила материал, а Юлия сшила. В итоге халатик получился весьма неплохо, сидел он на фигуре отлично, и огромный бюст Верочки Михайловны удалось искусно задрапировать материалом.

Так и стала «Верочка» на многие годы первой и постоянной клиенткой вновь образованной нелегальной фирмы ООО «Юлия и Н». У Юлии стали шить и дочка Верочки, и их знакомые, и знакомые Юлиных знакомых, а также её сестры. Так, сам собой был частично решён вопрос о доходах семьи. Этот факт для Наташи имел огромное значение, так как оправдывал её поступление в вуз и дальнейшую её учёбу. Но самое главное было то, что Наташа впредь сможет принимать в решении финансовых проблем семьи самое деятельное участие.

Первого сентября, как положено, начался учебный год во всех учебных заведениях страны. Наташа и её новые подружки: Таня и Валя, к их обоюдной радости, оказались в одной учебной группе. Эта группа была полностью девчачьей. В остальных были юноши, но по 3—4 человека, а на 104 группу их, вероятно, не хватило. Но подружек это особенно не печалило, и в свою спешущую «тройку» они больше никого не впускали. Так и дружили они «не разлей вода» целых три года, пока не выбрали разные специализации и не разбежались по разным кафедрам. Но и после этого и даже после окончания учёбы их общение не прекратилось, а наоборот, эта «тройка» дополнительно обросла новыми подругами.

Помимо этих подружек у Наташи среди студентов появился и друг. Это был её одноклассник, Валерка Соколов, который также как и Наташа поступил на химфак. Валера был симпатичным парнем, высокого роста, с серыми глазами и волнистой русой шевелюрой. Он внешне чем-то напоминал Наташе её отца в его молодые годы. В школе Наташа и Валера почти не общались. Соколов вместе со своим другом и тёзкой Валерой Смолянским больше внимания уделяли Наташиной соседке по парте Гале Бекетовой, черноглазой красавице. А на sereneйшей бесцветной Наташе глаз у них не задерживался. Наташу же это и не удивляло, и не обижало. Она

давно с детства привыкла считать себя «Серенькой шейкой», персонажем одного из детских мультфильмов.

«Жила-была серенькая некрасивая уточка, которая многим не нравилась своей скромностью и своим невзрачным видом. С ней никто не хотел дружить и её сторонился весь птичий двор... Но спустя определённое время уточка подросла, сменила свои пёрышки и превратилась в стройную «лебёдушку» с красивым белоснежным оперением. И вот только тогда на неё все обратили своё внимание, и не стало отбоя в желающих завести с нею дружбу». Наташка с детства находила себя некрасивой девочкой с серыми тощими косичками, с серыми глазками на бледном без румянца лице с бесцветными бровками, облачённой в серую будничную одежду. По росту она была всегда самая высокая в классе. Помимо этого она была худая, с длинными руками и длинными ногами. И вероятно, из-за этого её ещё в первом классе некоторые девочки дразнили: «Длинноногий журавль! Дылда! Дылда!» И ничего в её облике не было привлекательного. А то, что она была умной и сообразительной девочкой, никого особо не прельщало.

Этим она объясняла также и то, что в школе она привлекала внимание только таких же несимпатичных, как и она сама, и даже крайне неприятных ей мальчиков, таких как Женька Баслак со своими многочисленными родинками на пухлом розовом личике и Женька Псарёв, но уже с красным, покрытым угрями лицом. И имена-то у них почему-то были оди-

наковыми.

Однако Наташа, сравнивая себя с «Серой шейкой», сильно не расстраивалась, считая, что на судьбу не стоит обижаться. И она жила в предчувствии, что, когда-нибудь произойдёт чудо, и она, также как и «Серая шейка», превратится, если не в красавицу, то хотя бы в немножко симпатичную особу. И вот тогда возможно, такие же симпатичные юноши начнут обращать на неё внимание, как например, на некоторых, известных ей девчонок: Нелю Бендерскую, Галю Бекетову, Свету Зимину... Ну, что ж, придётся ей немного подождать. Вероятно, её время ещё не пришло.

* * *

И вот во время учёбы на химфаке Валера Соколов вдруг стал замечать Наташу. Они стали довольно часто общаться друг с другом, несмотря на то, что учились в разных группах. При встречах они делились новостями, рассказывали о своих успехах в учёбе, и вообще-то они относились друг к другу, как брат и сестра. Наташа только так его и воспринимала все годы их общения. Тот факт, что они оба были из одной школы и из одного класса, и оба оказались в новом, совершенно незнакомом для них коллективе, как бы роднил и объединял их. Да, Валера для Наташи был, если не родным, то, как бы двоюродным или троюродным братом.

Валерка был отличным парнем, хорошо воспитанным, и

он посчитал своим долгом слегка опекать свою одноклассницу. Возможно, к этому его могла подтолкнуть её семейная трагедия. Между ними сохранились хорошие дружеские отношения на долгие годы и после учёбы, когда они оба были оставлены для работы на химфаке при своих кафедрах. Но их отношения никогда не выходили за рамки дружеских интересов. Они даже никогда не были друг у друга дома, не пытались встречаться вне стен химфака, хотя часто вместе вальсировали на студенческих вечерах и подолгу болтали обо всём на свете где-нибудь в стороне от всех в здании химфака.

Им вполне достаточно было просто увидеть друг друга, пожать руки, перекинуться парой фраз. Возможно, со стороны их рассматривали как влюблённую парочку – оба были высокие, статные, молодые. Но это была только дружба. И зря говорят, что между девушкой и молодым человеком не может быть дружбы. Может! И подтверждением этого являются отношения между Наташей и Валерой. Каждый из них гордился своим другом и радовался его успехам. И каждый при случае говорил окружающим: «А я с ним ещё в школе училась...», «А я с нею знаком аж с 8-ого класса...»

В первые же дни учёбы Наташа попросила Валеру никому не рассказывать, что она в школе была редактором стенной газеты:

– Валера, не выдавай меня, ради бога! Я так устала от общественной работы. Из-за неё у меня не хватало времени на

какие-либо свои увлечения. А сейчас мне дома хватает других забот: нужно помогать маме. Ей без отца трудно. Приходится и мне участвовать в зарабатывании денег для семьи.

Валера отнёсся с полным пониманием к проблемам своей бывшей соклассницы и нынешней сокурсницы, и примерно около двух лет никто не знал о Наташиных художественных способностях, и её не беспокоили никакими общественными поручениями.

* * *

В самом начале сентября у студентов был праздник – всем выплатили стипендию. Не такие уж это были большие деньги, но для Наташи это было очень важно. Хоть маленькая, но это была прибавка в бюджет семьи. Своё поступление в университет и свою первую стипендию Наташа с разрешения мамы решила отметить своеобразным образом. Прежде всего, она отрезала свои косички. Отрезала сама без помощи посторонних. Потом она купила самые дешёвые бигуди, тушь для ресниц и губную помаду. Остальные деньги отдала маме.

После завивки на бигуди укороченные волосы образовали на её голове такую густую копну, которая с трудом поддавалась расчёске. Наташа впервые поняла, что с волосами у неё не так уж и плохо. Не каждая девушка может похвастаться такому количеству завитушек вокруг своего лица.

После двухчасового стояния около зеркала, она, наконец, научилась красить ресницы и подкрашивать бровки. Тушью и губной помадой она слегка подчеркнула то, что ей недодала природа. В результате из зеркала на неё глянула совершенно другая девушка. Смазанные тушью реснички значительно подросли, обозначились и стали выгодно оттенять большие серые глаза с тёмно-синим ободком. Вот как-то раньше девушка не замечала, что глазки-то у неё симпатичные, приметные. И Наташа впервые поняла, что она уже не совсем «Серая шейка», а что-то более похожее на «Лебёдушку».

Когда Юлия увидела свою дочь в новом обличье, то ахнула и минут пять молча рассматривала её лицо. Потом сказала, что это превращение нужно обязательно зафиксировать. Мать уговорила свою доченьку сфотографироваться в связи с окончанием школы и поступлением её в университет.

– Сделаем несколько фотографий. Нужно послать сёстрам в Уральск, Нижнюю Салду, в Ленинград, да и нам на память не помешает. У тебя начался новый этап в твоей жизни, и это нужно как-то отметить.

Сказано – сделано. И ходить далеко не надо. Как раз напротив их дома на другой стороне улицы Красина размещалось фотоателье «Динамо». Это было небольшое двухэтажное здание, выкрашенное в желтый цвет, с большими окнами-витринами на нижнем этаже. В них выставлялись наиболее удачные фотографии молодых людей и стариков, было много детских фотографий. Из витрин на прохожих смот-

рели красивые лица с милыми улыбками и сияющими каким-то внутренним светом глазами. Наташа с мамой решили, что лучше этого фотоателье не найти. И девушка в ближайшие дни там сфотографировалась. Заходя в здание, она обратила внимание на ещё одну табличку: «Республиканский Совет Динамо». Что это за совет такой, она узнает только несколько лет спустя. Ну а пока она уяснила себе, что на втором этаже находится какое-то учреждение с непонятным для неё названием и назначением.

Спустя несколько дней Наташа получила свою фотографию. С неё глядело испуганное лицо молодой девушки: взгляд исподлобья, узкая линия рта съехала набок, завитые кудряшки торчали в разные стороны, под глазами тёмные круги. Когда Наташа принесла домой это «художественное» фото, то мама расстроилась до слёз. Несколько дней назад она считала, что красивее её дочери нет никого на свете, а вот на этом фото...

– Боже, как тебя изуродовали! Кто тебя фотографировал?

– Да какая-то старая женщина.

– Вот именно, старая!.. Она не видела, что ты сидишь как каменная? Ведь она делала художественную фотографию, а не на паспорт!

«Как будто на паспорте можно выглядеть уродиной», – подумала Наташа. Юлия взяла эту злополучную фотографию и с дочерью пошла в фотоателье. Там она немного покричала на фотографа, обвинила её в неумении делать приличные

снимки.

– Неужели вы не видели, что девушка волнуется, зажала свои губы! А на вашу вспышку вытаращила глаза. Мы заплатили деньги за художественную фотографию, а не за это уродство! – при этих словах Юлия потрясла фотографией перед носом оторопевшей от такого натиска женщины-фотографа. Но та тоже в долгу не осталась.

– Я не виновата, что ваша дочь «криворотая»!

Ну, это уже был удар ниже пояса. Юлия парировала в ответ тоже что-то грубое, что, мол, у женщины не только с лицом, но и с мозгами тоже не всё в порядке... и так далее.

В конце концов, накричавшись, женщины заключили перемирие. Наташу снова сфотографировали, но уже под строгим взором рассерженной матери. Новая версия фотографии получилась просто отличная! Правда, девушка слишком расслабила мышцы лица так, что её щеки и губы как бы припухли, увеличились в размере. Но это и неплохо, так как после всех экзаменов Наташа сильно похудела, и особенно на лицо. Но её глаза вышли изумительно: большие в пол-лица и с какой-то томной поволокой. Через несколько дней мать пришла домой возбуждённая и довольная собой.

– Наташа, можешь пройти мимо ателье и полюбоваться на свою фотографию. Её выставили в витрине! Не зря я тогда покричала! Правду говорят: «красота требует жертв»!

А Наташа с тех пор старалась лишний раз не попадаться в кадр фотообъектива. Она боялась опять показаться на фото

даже более некрасивой, чем есть на самом деле, и не только «серой шейкой, но ещё и «криворотой».

* * *

Не успели первокурсники втянуться в ритм учебных занятий, как их отправили на полтора месяца на сельхозработы. И только после неофициального трудового семестра они продолжили свою учёбу. И такое трудовое воспитание молодёжи повторялось каждую осень перед каждым учебным годом. Но об этом будет отдельный рассказ.

Наташе нравилось учиться на химфаке. Она не пропускала ни одной лекции, ни одного практического занятия. Её представления о химии сильно изменились, особенно после лабораторного практикума, который был так не похож на лабораторные работы по химии в школе. Он показал ей химию с другой более серьёзной и опасной стороны. Это и резкие неприятные запахи, ядовитые разъедающие вещества, горючие жидкости... Да, много опасностей таила в себе эта наука. Но этим она и была интересна для любознательных людей. А рассеянных, нерадивых, малограмотных она не любила, и чаще всего именно с ними происходили разные неприятные истории.

К примеру, на одном из первых лабораторных занятий сокурсница Наташи, Рита, по неосторожности разбила колбу с раствором серной кислоты, установленную над раскалён-

ной плиткой. Попав на горячую поверхность, кислота тут же вскипела, и её брызги попали в лицо девушке. Концентрация едкой жидкости была незначительной, но ведь и кипятком можно ошпариться! Рите быстренько обмыли лицо струей воды и отправили на скорой помощи в больницу. Там она пролежала неделю, а потом ещё некоторое время ходила с розовыми пятнышками на своём лице.

Так произошло первое боевое крещение будущих химиков. Этот случай заставил всех быть более осторожными при работе с химическими реактивами. Быть осторожными не означает, что их нужно бояться! Иначе из студентов никогда бы не получились химики-профессионалы. Тем не менее, от ЧП никто не был застрахован. Не миновала эта участь и Наташу.

Во время практикума по химической технологии она чуть было не устроила серьёзный пожар, хотя виновником того происшествия можно было бы считать не её, а учебного лаборанта, не проверившего лабораторное оборудование перед занятием.

Все работы этого практикума выполнялись на установках, имитирующих в миниатюре высоченные колонны для крекинга нефти. Были эти установки сделаны из вертикально стоящих толстых стеклянных трубок, заполненных стеклянными бусинками и соединённых друг с другом резиновыми шлангами. Внизу под колбой, входящей в состав такой установки, на столе горела спиртовка, а наверху почти под по-

толком находилась заполненная горючей жидкостью капельница с краником. Нужно было периодически вливать в разогретую установку эту смесь. Чтобы дотянуться до верхней части прибора, приходилось вставать на стул, а со стула – на высокий лабораторный табурет.

Работали на установках крекинга по два человека. Наташе, как самой высокой в группе, досталось место под потолком на табурете. Она отвечала за повороты краника. А её напарница сидела внизу за столом и записывала время и объёмы выходящих из колонны фракций бензина. При очередном повороте краника капельницы резиновая трубочка, соединяющая её с колонной, по причине своей старости не выдержала испытания временем и лопнула. Горючая жидкость потекла не во внутрь прибора, а растеклась по его наружной поверхности и быстро достигла спиртовки. И как факел на буровой вышке, вся установка от стола до потолка занялась пламенем.

Раздались крики: «Пожар!.. Горим!.. Горим!..» Все засуетились, забегали по лаборатории, и только одна Наташа осталась невозмутимой и продолжала возвышаться на табурете как монумент. Перед нею пылало пламя, внизу бегали люди в белых халатах, а она находилась в состоянии... шока. Как заколдованная, она стояла, не шевелясь, смотрела на пламя и даже руку не опустила.

Расторопная лаборантка уже успела потушить огонь, накинув на установку одеяло, а Наташа так и возвышалась на

табурете посреди лаборатории с поднятой рукой. Её буквально за руки стащили вниз на пол, где она, наконец, пришла в себя и осознала и всю опасность ситуации, и комичность своего поведения. Когда все успокоились, то почему-то стали смеяться друг над другом, изображая, как все бегали по лаборатории, размахивали руками и кричали: «Пожар! Горим!». А Наташу, наоборот, ставили в пример, так как она вела себя спокойно, без паники. И она не стала разубеждать всех в этом. Ну не говорить же, что она не просто испугалась, а впала в ступор. А страх – это враг химика. И в очередной раз она себе уяснила – нужно не бояться химических веществ, а нужно хорошо знать их свойства и заранее уметь предвидеть, просчитать возможность разных критических ситуаций.

* * *

Куратором Наташиной группы оказалась Раиса Ефимовна Найдёнова. Это был тот самый экзаменатор, которому Наташа сдавала вступительный экзамен по химии. Раиса Ефимовна также вела у них практикум и семинарские занятия по неорганической химии, принимала коллоквиумы. Кроме этого, она каждую неделю проводила с группой кураторские часы, типа политзанятий с некоторой химической окраской происходящих в мире событий. У Наташи с её подружками на всех занятиях всё получалось, коллоквиумы они сдава-

ли на «хорошо» и «отлично», и, готовясь к первой в своей жизни сессии, были уверены, что сдадут её также на положительные оценки.

Однако на первом же экзамене по неорганической химии девушки чуть было не «провалились». Принимала экзамен лектор по этому курсу Карасёва Лидия Семёновна. Про неё все говорили, что она дотошная и экзаменует не только по вопросам билета, но и по всему курсу. Наша неразлучная тройца: Валя, Таня и Наташа – пришли на экзамен к точно назначенному времени, то есть к 9.00 утра. Они не имели чёткого представления, как будет приниматься первый в их жизни экзамен на химическом факультете. Думали, что всех одновременно запустят в аудиторию и раздадут билеты. И девушки были крайне удивлены, когда их сокурсники, толпящиеся в коридоре факультета перед дверью с табличкой «Кафедра неорганической химии», сказали им: «Вы будете сдавать экзамен последними, так как пришли позже всех».

Да, подружки совсем не учли, что таких, жаждущих получить первую оценку в зачётной книжке, было 25 человек. И все пришли заблаговременно, за час до начала экзамена, кроме нашей тройцы. Многие нервничали, особенно производственники. Ведь они окончили школу 2–4 года назад, всё подзабыли, и учёба им давалась с трудом. Одни из них ходили по коридорам химфака из угла в угол и зубрили свои шпаргалки, другие, объединившись в небольшие группы, продолжали штудировать учебник. А наши подружки,

вчерашние школьницы, были спокойны, так как всё знали, всё умели. Только вот, к сожалению, им придётся сдавать экзамен последними. Кто знал, что тут на экзамен заходят по одному и по очереди? Ну, ничего! Авось, к обеду они успеют его сдать, а потом пойдут в парк лакомиться мороженым.

Время шло... Очередь продвигалась очень-очень медленно. Все выходили после экзамена вспотевшими, взъерошенными. Действительно, Карасёва выжимала все соки, задавала много дополнительных вопросов, задач и упражнений. Причём, если студент чего-то не знал, то она очень обстоятельно объясняла такие вопросы, пытаясь заполнить своими знаниями имеющиеся пробелы в знаниях студентов. И экзамен превращался в обучение по ускоренной методике. А часы-то тикали!

Наши подружки всё это время толкались в коридоре среди студентов, подпирали стенки. Уходить куда-нибудь не хотелось, так как они надеялись на чудо: вдруг экзаменатору вся эта тягомотина надоест, и темп экзамена резко ускорится. Но время шло, минутная стрелка часов на стене в коридоре медленно описывала круги на циферблате. Стало вечереть... Коридор постепенно пустел, а наши девушки, как неприкаянные, слонялись по его углам, и даже присесть было не на что. Время от времени, пока в коридоре не было посторонних, они сидели прямо на полу, подложив под себя свои книжки и тетрадки. А часы всё тикали...

Целый день подружки провели на ногах, без обеда и уже

без ужина, так как зашли на экзамен только в 8 часов вечера. Какое качество сдачи экзамена может быть после такого изнурительного ожидания? У Наташи от голода разболелась голова, подвело живот, вопросы в билете не доходили толком до её сознания. Она попыталась бойко отвечать, но, как оказалось, совершенно не о том. Экзаменатор укоризненно качала головой, сделав вывод, что сидевшая перед ней студентка к экзамену не готовилась. Она и сама уже изрядно устала, хотя в обед устроила себе небольшой отдых. Её пыл остыл, и с последними студентками она уже не проводила обучающие беседы, а только слушала и делала выводы. Теперь она принимала экзамен сразу у трёх подружек, одновременно. Пока одна отвечала на один вопрос своего билета, другие в это время готовились по своим билетам. Потом они менялись местами.

Наташа всё время что-то путала. Было ужасно осознавать какую-то пустоту в голове. Не лучше обстояло дело и у Тани с Валеёй. В итоге Лидия Семёновна уже хотели поставить всем «удовлетворительно», но тут что-то сострадающее промелькнуло в её взгляде.

– А вы девочки, почему так поздно пришли на экзамен? Что, не успели, как следует подготовиться? – эти слова были верхом вопиющей несправедливости.

– Да мы... Да мы были готовы сдавать первыми! Мы всё-всё знали. Но мы пришли к назначенному времени, а другие на час раньше. И нам пришлось выстоять к вам очередь!

– И вы всё это время простояли в коридоре?

– Да, пришлось стоять, так как там не на что присесть.

Правда, мы иногда сидели прямо на полу. Мы даже боялись уйти домой пообедать, так как надеялись, что скоро подойдёт наша очередь.

– Как... и вы даже не обедали?!

Троица молча проглотила набежавшую слюну.

Тем временем экзаменатор просмотрела списки студентов с оценками за текущую успеваемость и удивлённо подняла брови:

– Не понимаю! Почему весь семестр вы учились почти на «отлично», а экзамен сдаете еле-еле на «троечку»?

В итоге она сжалась над девушками и выставила всем «хорошо» с оговоркой, что, мол, в весеннюю сессию она снова будет принимать у них экзамен, но уже по второй части неорганической химии, и тогда обязательно проверит их знания по всему курсу:

– Эти «четвёрки» я вам ставлю с учётом вашей хорошей учёбы в семестре. И я верю Раисе Ефимовне, что это действительно так! Я не хочу портить вам зачётки с первого же экзамена, так как вижу, что вы сейчас действительно не в рабочем состоянии.

Второй экзамен у Лидии Семёновны девушки выдержали с честью: на «хорошо» и «отлично». И были они на этом экзамене первыми, так как пришли за полтора часа до его начала.

С первого же дня первокурсники окунулись с головой в студенческую жизнь. Конечно, прежде всего, это была учёба, которая до 5 курса проходила строго по расписанию. С преподавателями им повезло: они учились у светил химической науки, у основоположников химического образования в республике, у профессоров, доцентов.

Пока студенты учились, защищали свои дипломы, их преподаватели тоже не стояли на месте и повышали свои учёные степени и звания, становились академиками, член-корреспондентами Академии Наук, профессорами. После их ухода из жизни преподавательский состав химфака сильно измельчал и уже не гремел известными именами на весь университет, как это было раньше, в то время, когда там училась Наташа со своими подружками.

Первокурсники были разделены не только на учебные группы, но и на два потока: русский и казахский. Кроме того, было негласное деление на «не производственников» и «производственников». Одни студенты пришли сразу после школы и прошли жёсткий конкурс. Другие пришли после нескольких лет работы на химическом производстве и поступили с более низкими проходными баллами. Причем первые в основном были городские и жили в семьях, а вторые – в основном иногородние, так как в Алма-Ате химических

предприятий не было, кроме химических лабораторий в институтах, больницах, в Академии Наук.

Большая часть «производственников» жила в общежитии, и это накладывало определённый отпечаток на их поведение. Они были более контактные, дружные, приходили в институт всегда большими шумными группами, вместе готовились к занятиям. Тем не менее, городским студентам, которые занимались индивидуально, учёба давалась намного легче и успеваемость у них была выше. Руководство химфака это предвидело, и все «производственники» были рассредоточены по разным группам. Это, вероятно, было сделано с целью усреднения успеваемости в учебных группах, а также, чтобы вчерашние школьники смогли подтянуть в учёбе тех, кто уже подзабыл азы школьной программы.

Наташа как-то мало внимания обращала на «производственников» и общалась лишь с теми из них, кто учился в её группе. И за всё время учёбы она только один раз побывала в общежитии. Все студенты-химики занимали в основном две комнаты, в одной – юноши, в другой – девушки. Но в этих комнатах помещалось до 10–15 кроватей, поставленных вплотную друг к другу, и один большой стол на всех. В солдатской казарме, наверное, было намного просторнее. Нужно также отметить, что химфак традиционно считался девчачьим многие годы. За счет производственников и открытия в этом же году в университете военной кафедры количество юношей на факультете резко возросло. И на дан-

ном курсе их числилось, где-то около 20 человек, но девушек, всё равно, было в два раза больше.

Но учёба на факультете – это не только повседневный труд в аудиториях, лабораториях, в читальном зале, сдача экзаменов и зачётов два раза в год. Кроме учёбы, студенты встречались друг с другом, гуляли, влюблялись, ходили на студенческие вечера, в театры, на концерты, занимались в спортивных секциях. Были у них каждый год и трудовые семестры, за исключением последнего лета перед 5 курсом, когда все студенты разъехались по разным городам и заводам на производственную практику.

Нашей троице нравилось не только учиться. Они также с удовольствием ходили на студенческие вечера, их они никогда не пропускали, так как все очень любили танцевать. Но больше всего этот процесс нравился Наташе, она органично и умело могла легко двигаться под любую мелодию. Но никогда, как её знакомая Неля Бендерская, она не ходила на танцы в клубы или на танцплощадки в парки. Ей не нравилось бывать в незнакомых компаниях. А на химфаке, среди своих сокурсников, каждый такой вечер был для неё как праздник. Ах, как она любила танцевать! Музыка, как ажурное покрывало, скрывала от всех и её скованность, и закомплексованность, и были лишь видны её стройная фигурка, длинные ножки и её способность слышать музыку и подчиняться ей всем своим существом.

Глава 3. Семейные будни

В то время, когда Наташа осваивала азы химической науки в университете, жизнь в её семье шла своим чередом, но без отца. Однако глава семьи продолжал незримо присутствовать рядом с ними. К нему мысленно обращались все члены семьи в наиболее трудные периоды своей жизни. Старший его сын Володя был уже семейным человеком, у него рос сын Женечка. Его жена Валентина после окончания медицинского института получила направление в г. Темир-Тау Карагандинской области, и молодая семья Васильевых на целых 12 лет покинула Алма-Ату. Конечно, каждый год они приезжали с сынишкой в отпуск, останавливались у Валиных родителей в их маленьком домике в Малой станции, там, где когда-то начиналась их семейная жизнь. Жена у Володи была умница, покладистая, на работе её ценили и уважали, и была она приятной во всех отношениях женщиной. А Володя работал на стройках города крановщиком, слесарем, сварщиком.

Из всех детей Алексея и Юлии, Руслан наиболее тяжело переживал смерть отца. Беда настигла его в очень непростом периоде жизни всех детей – переходном возрасте. После кончины отца он сильно изменился. Учиться стал хуже, и седьмой класс окончил в основном на тройки. В это время он был очень обидчивым, ещё более задиристым, чем раньше, лю-

бил выяснять отношения со своими сверстниками, что часто заканчивалось драками, синяками. Доходило дело и до классных собраний на эту тему. Всё это доставляло Юлии лишние хлопоты и огорчения. Руслан и с ней стал резким, грубым. Его было трудно заставить что-либо сделать по дому. И мать была очень обеспокоена тем, что сын уходит из-под её контроля.

Милочка училась в первом классе. Училась она прилежно, здесь с ней проблем не было. Она была слишком маленькая, чтобы осознать понесённую утрату, да и к тому же она была мамина дочка. Отец из-за болезни не смог оказать особого влияния на воспитание своей второй дочери. Ну а старшая Наташа свою тоску и печаль по отцу скрывала от всех, а студенческая жизнь не давала ей возможности уходить в себя от горя. Да, в то время всем не хватало отца, пусть даже больного, но живого.

А Юлии жилось, наверное, труднее всех. Бюджет семьи в то время составлял твёрдую и регулярно выплачиваемую государством сумму приблизительно в 40 рублей – пособие на несовершеннолетних детей в связи с потерей кормильца. Наташе была гарантирована при хорошей учёбе стипендия в 18 рублей, которая с каждым курсом увеличивалась на 5–10 рублей. Для сравнения, Алексей в последние годы своей жизни зарабатывал 125 рублей, плюс получал пенсию 40 рублей, как инвалид войны.

И многодетной матери, не имеющей никакой специально-

сти, приходилось искать дополнительные источники дохода. Ими стали деньги, получаемые за пошив одежды. Она шила только знакомым, брала за работу меньше, чем в ателье, и количество заказов сильно колебалось в зависимости от сезона. В то время модными стали плиссированные вещи. И Юлия окончила какие-то курсы и научилась этому мастерству. Кто-то из знакомых нарезал ей на заводе алюминиевые пластины, необходимые для плиссировки тканей, и Юлия стала делать вещи, которые ценились подороже, но и волокита с ними была большая.

Наташа, как могла, помогала маме. На ней, в основном, лежали такие обязанности, как обмер заказчиц, подбор фасона, подготовка выкроек, раскрой материала, первые примерки. От того, как сидела одежда на её подопечных, зависела дальнейшая судьба составленных ею выкроек: она их или оставляла для следующих заказов, или выбрасывала в корзину и делала новые варианты. Так на практике, методом проб и ошибок, Наташа самостоятельно училась моделированию одежды.

Но это занятие не доставляло ей особого удовольствия, она это делала из-за жизненной необходимости. Помимо этого, девушка сама себе почти всё шила. Один раз даже рискнула сшить зимний комплект, состоящий из зимнего пальто на ватине с воротником из искусственного меха, из того же материала были сделаны шапочка и тёплые унты. Всё изделие было украшено цветной строчкой – зигзаг, что лег-

ко выполнялось на швейной машинке, подаренной ей ещё отцом. И пока Наташа строчила узоры, она мысленно вела беседы с отцом, делилась с ним новостями.

Сразу после смерти мужа на Юлию свалилась ещё одна забота. Каролина Юзефовна состарилась и стала ненужной дому профессора Бекбаева. Она у них и раньше не делала тяжёлую работу, а управляла домашней прислугой. Но, вероятно, со старостью характер человека меняется, и он становится менее уживчивым и покладистым. И Каролине было отказано в службе. Фактически её отправили на пенсию. Своего угла на тот момент у неё не было, и она уговорила Юлию дать ей временное пристанище у себя, пока горисполком не выделит ей квартиру. Бывшие её хозяева обещали поспособствовать этому.

Юлия согласилась принять в семью ещё одного человека. А куда ей было деться? Ведь Каролина уже выступила в роли благодетельницы при поступлении дочери в университет.

Дополнительное приобретение в семейный коллектив тёти Кароли сильно напрягло всех членов семьи, и не только из-за сужения жизненного пространства, но и психологически. Ведь не зря говорится, «со своим уставом в чужой монастырь не лезь!» А Каролина, никогда не имеющая семьи и своих детей, любила всех и каждого поучать, даже многодетную мать, как жить на этом свете. Всё бы ничего, хотя это сильно раздражало, но были моменты, когда дети не просто

не любили тётю Каролю, а тихо её ненавидели. И у всех для этого были свои причины.

Каролина давала Юлии деньги на пропитание, и та готовила для всех одинаковую пищу: и для Каролины и для своих детей. А те усиленно росли, набирали мышечную массу, особенно Руслан. И аппетиты у всех были волчьи. А если честно, то они просто недополучали своих калорий и витаминов. Все были худые, тонкие и звонкие, а Милочка ещё и болезненная. С лёгкой подачи их двоюродного брата Валерия Страхова, она получила прозвище – «хилая».

И вот три живоглота сидят за столом вместе с уважаемой тётей Каролей. Хозяйка приносит тарелку только что нажаренных пирожков с капустой и картошкой. Дети голодные и набрасываются на еду, не обращая внимания на её качество. Им всё вкусно! А Каролина на виду у голодной детворы демонстрирует своё как бы особое положение в семье:

– Юленька, что-то начинка постноватая... Принеси-ка мне сливочное масло, – и она, откусив пирожок, чайной ложкой запихивала в него масло, которое дети даже на хлеб не всегда могли намазать.

А потом Каролина эти пирожки примерно таким же образом торопливо пропихивала себе в рот. Позднее на телевидение была такая реклама: «Мама! Опять вы жарите на этом подсолнечном масле!» А мама, старая женщина, вилок пропихивает в рот целый оладушек и, давясь, жуёт его». У Васильевых за столом была чем-то похожая картина.

Девочки обычно терпеливо сносили такую дискриминацию, но Руслан мириться не хотел и бунтовал, и открыто ненавидел Каролину. Возможно, тут примешивалось и чувство несправедливости за то, что она теперь спала на отцовской кровати и сидела на его стуле. На всё это с полным правом мог претендовать только его любимый сын Руслан. Ему же пришлось спать на пустующей Володиной кровати, на кухне, а сидеть на табурете.

Именно в это время Наташа со слов Каролины окончательно поняла, что та за неё хлопотала: просила профессора посодействовать поступлению девушки в вуз. И это было только по одному предмету – химии. Это обстоятельство Наташу сильно смущало, так как она в то время была уж очень правильная и отрицала любые нечестные способы деятельности человека во всех случаях его жизни. У Наташи было такое чувство, что она, в чём-то предала себя и своего отца. Ей стало тяжело общаться с тётёй Каролей. Девушке казалось, что Каролина всем своим поведением подчёркивает, что ей все в этой семье чем-то обязаны. И в первую очередь, конечно, – это Наташа со своей любовью к химии.

Жизнь потом Наталью, конечно, немного подправит, но всё равно ей всегда было очень тяжело жить в этом мире, примирять свой характер и свои принципы с непростыми законами современного общества. Тем не менее, она своих родителей в своем характере никогда не винила. Спасибо им за то, что она просто живёт на этом свете, даже вот такая,

«серая шейка»! А за всё остальное они уже не в ответе. Ведь характер человека зависит не только от воспитания, данного семьёй, а еще от многих других составляющих, которые в той или иной мере влияют на судьбу человека. Из тысячи мгновений соткан мир. Так и характер человека сплетён как паутина из множества нитей, видимых и невидимых, своих и чужих, плохих и хороших.

* * *

Когда Руслан окончил 7-ой класс, Юлия попыталась как-то определить его дальнейшую судьбу. Было решено, что сыну нужно поступить в техникум. Все-таки через четыре года будет не только аттестат, но и специальность. Кроме того, мама надеялась на то, что сын сможет получать стипендию. Будущую специальность выбирали все вместе, так как у Руслана к тому времени не было никаких особых наклонностей и интересов. Был выбран строительный техникум. Руслан не возражал. Техникум, так техникум! Кроме того, к его радости туда поступал его школьный друг Аскар, и там уже учился его двоюродный брат Юрка, сын Якушевых. Однако Руслан в техникум по конкурсу не прошёл, и пришлось ему снова вернуться в школу.

В это же лето вторично приехал в Алма-Ату для поступления в институт физкультуры другой Юлин племянник Варелий из Уральска. Это был сын её сестры Галины и Якова

Андреевича Страхова, хорошо известного в довоенные и военные годы партийного руководителя в некоторых областях Казахстана. Галина, не в пример своим сёстрам, тоже, как и муж, сделала партийную карьеру. Вместе с ним она переезжала с места на место по Казахстану, пока их семья окончательно не осела в г. Уральске. Работала она председателем, инструктором разных обкомов партии, а после окончания Уральского пединститута стала учителем истории и дослужилась до директора школы рабочей молодежи.

У Страховых было два сына. Старший Юрий уже работал на известном в городе заводе им. Ворошилова, а младший Валерий увлекался водными видами спорта и мечтал только об институте физкультуры. Он был чемпионом области по плаванию. Это был симпатичный парень с ладной мускулистой фигурой и густой, волнистой, как плойкой завитой, шевелюрой.

В этот раз Валерий в институт поступил, и сразу встал вопрос о том, где он будет жить: в общежитии или на квартире. Семья Страховых была обеспеченной, и они могли бы снять в Алма-Ате комнату для сына. Но, ни общежитие, ни комната у посторонних людей родителей Валерия не устраивала. Вероятно, они боялись влияния вольной, неконтролируемой никем жизни на их сына. Поэтому у них была просьба к Юлии: приютить Валерия у себя в доме на период его учёбы в институте.

Юлия опять согласилась: не могла же она отказать род-

ной сестре. И Валерий поселился на ул. Красина, заняв угол своего двоюродного брата Володи на Юлиной кухне. Хорошо, что к этому времени Каролина получила комнату в коммунальной квартире и съехала от Васильевых, а то бы пришлось Руслану спать в общей комнате на полу рядом с кроватью его «любимой» тёти Кароли. А так он, наконец-то, добрался до папиного наследства: его кровати и стула.

И опять в однокомнатной квартирке шла перетасовка спальных мест, покой Юлии только снился. И с первого взгляда было непонятно её решение взять под своё крыло помимо своих детей ещё и племянника. К примеру, её сестра Тося имела лучшие жилищные условия. И хотя её квартира тоже была без удобств, но там помимо маленькой кухоньки были ещё три комнатки. Это были маленькие комнатки, но их было три! И проживало в них всего трое: она с мужем и младшим сыном Юрой. Старший сын Гера к тому времени окончил горный институт и уехал по распределению на работу в Восточно-Казахстанскую область.

А почему бы племяннику пожить не у Юлии, а у Антонины? Почему с такой просьбой Страховы обратились только к Юлии? Вероятно, причин было несколько. К примеру, Яков Андреевич за что-то недолюбливал Антонину, и больше доверял другой сестре своей жены, Юлии. Да и сама Тося не очень жаждала взвалить на себя лишнюю обузу. А Юлия хоть и была суровой с виду женщиной, имела очень мягкое, отзывчивое сердце. Она всегда приходила всем на помощь, и

не только своим сёстрам, но и не очень близким людям тоже. Например, за Каролиной она ухаживала до самой её смерти и похоронила её достойно. А ведь Каролина для семьи Васильевых была просто знакомая.

Галина регулярно посылала своей сестре небольшую сумму денег, которых едва хватало на пропитание молодого растущего спортсмена. Кроме того, по договорённости с сестрой Юлия постоянно выдавала племяннику карманные деньги. К счастью, характер у Валерия был очень покладистый, уравновешенный, не в пример Каролине. Никто и никогда не видел, чтобы он о чём-то захлёб рассказывал, громко смеялся, на кого-то обижался и кого-то поучал. Настоящая флегма! Поэтому он хорошо уживался со всеми членами семьи.

Как-то Юлия попросила Валерия починить утюг: у него оборвался провод. Валера невозмутимо взял концы проводов, скрутил их все вместе, тщательно обмотал их изолянткой и вставил вилку в розетку... Правильно! Произошло короткое замыкание... И не просто короткое, а очень даже короткое. Бабахнуло так, что уши заложило. Утюг вышел из строя окончательно, пробки перегорели, и вся семья на сутки осталась без света. А Валера невозмутимо пожал плечами и спокойненько ушёл на свою тренировку. Больше Юлия никогда не прибежала к его услугам подобного рода.

Где-то в ноябре этого же года Юлии позвонила её сестра Галина из Уральска и сообщила, что в их строительном техникуме недобор, и они согласны принять на первый курс Васильева Руслана с теми оценками, с которыми он не прошёл по конкурсу в Алма-Ате. Кроме того, Галина предложила взять Руслана под свою опеку, так как это сделала её сестра по отношению к её сыну. Юлия очень обрадовалась такой возможности хоть как-то определить судьбу Руслана и сразу стала собирать его в дорогу, даже не спросив на то его согласия. Все-таки у Страховых в семье был мужчина. Яков Андреевич в то время работал на Уральском механическом заводе начальником отдела капитального строительства. Он мог бы оказать определённое влияние на дальнейшее формирование мужского характера своего юного родственника.

В новых условиях и при новых обстоятельствах Руслан очень старался. И он первую же сессию в Уральском техникуме сдал с честью, оказавшись в десятке лучших учеников. И это несмотря на то, что после приезда в более холодный Уральск, он простудился и месяц провалялся в постели с воспалением лёгких... Вот так две сестры на время обменялись своими сыновьями.

Через год учёбы Юлия вернула сына домой. Она договорилась о переводе его в строительный техникум Алма-Аты

на второй курс, так как там часть учащихся завалила первую сессию, и появились свободные места. И Руслан снова стал жить в своей семье, да плюс еще Валерий, его двоюродный брат. Таким образом, в то время у Юлии в её маленькой однокомнатной квартирке с маленькой кухней проживало 5 человек.

* * *

В конце того же года неожиданно для всех умирает мамина сестра Антонина. Смерть к ней пришла во время сна. Она захрипела, и отошла её душа вследствие остановки сердца из-за сердечного спазма. Как сказали врачи, нужно было срочно сделать ей массаж сердца и искусственное дыхание, и тогда она, возможно, осталась бы жить. Но, к сожалению, рядом с ней не оказалось хорошего врача. Был хороший, даже может быть отличный строитель, это её муж, но не врач. И как неоднократно подсказывает нам жизнь, основы доврачебной помощи должен знать каждый, также как и таблицу умножения. Но, опять же, к сожалению, в средней школе дают слишком много знаний, которые никогда потом могут не востребоваться. А элементарные навыки реанимирования живого организма для простых смертных находятся за семью печатями.

Юлия по-своему истолковала внезапную смерть сестры. Возможно, хрипы своей жены её муж принял за храп и не

обеспокоился. Всё возможно. Но Юлия была очень обижена на своего свояка Андриана, который не оказал первую помощь её любимой сестре. Это была первая её потеря среди её многочисленных сестёр.

А своего свояка Юлия недолюбливала и не доверяла ему и по другой причине. Как-то по молодости Андриан, будучи уже женатым на Тосе, пытался затащить в постель сестрёнку своей жены. Но это ему не удалось! И когда Юлия слышала, что кто-то кого-то изнасиловал, она всегда возмущалась поведением не мужчин, а женщин и говорила, что если женщина не захочет, то при ситуации один на один никогда не позволит насилия над собой. Один раз Наташа случайно подслушала, как её мама рассказывала своей знакомой о такой попытке Андриана. Юлия так сопротивлялась, что железная кровать с железной сеткой не выдержала и развалилась под тяжестью двух борющихся тел.

Помимо этого, Юлию задело за живое непочтительное, пренебрежительное отношение Андриана к памяти своей жены.

– Юлия!.. Забери себе эти Тонины мешки! – как-то сказал он после похорон, отдавая ей платья своей жены.

А эти «мешки», между прочим, Юлия когда-то с любовью шила для своей сестры. И по размеру они были в пору и Юлии. Вот так, одним словом, не думая, мужчина оскорбил сразу двух женщин, двух сестёр. Возможно, из-за всего этого Юлия стала крайне редко бывать у него в доме. Да и то

только иногда из-за племянника Юрки, которому в то время шёл 15-ый год.

Глава 4. Трудовые семестры

Кто не знает, что такое дешёвая рабочая сила? Наверное, знают все, особенно в век миграционных процессов, которые захватили многие страны. Не минула эта участь и Советский Союз. Но вот в период юности наших героев внешней миграции в Страну Советов почти не было! Были эмигранты – те, которые обычно незаконными путями ускользали за рубеж от цепкой хватки репрессивных государственных органов или которых те сами выдворяли за пределы государства за определённые «прегрешения». А мигранты были только внутренние, которые в поисках лучшей жизни и работы переселялись из одного региона страны в другой. И вот такими мигрантами в своё время были родители Наташи и мамыны родственники Якушевы и Страховы.

В государстве было принято использовать в качестве дешёвой, а иногда и бесплатной рабочей силы солдат, студентов, учащихся школ и техникумов, и особенно это практиковалось в сельском хозяйстве. При низкой механизации труда там всегда было предостаточно работы, не требующей особого профессионализма: знай – маши лопатой или, согнувшись в три погибели, собирай своими пальчиками дары сельскохозяйственного производства с земли или из земли.

Наташа никогда не видела в печати, чтобы студенты какого-либо колледжа или вуза за границей после учебных се-

местров отправлялись трудовым десантом на ферму к какому-нибудь собственнику или на госпредприятие. Да те бы разорились, если бы им пришлось кормить ораву молодых людей, да ещё и платить им за их некачественный и непрофессиональный труд. В Союзе всё было проще: собственником всего являлось государство, и оно бросало при авральных ситуациях безотказную в то время молодёжь под лозунгом: «Комсомольцы, вперед!» Поэтому Наташе пришлось пройти и трудовые семестры, по одному на каждый год обучения, кроме последнего курса. Обычно время проведения этих семестров совершенно не считалось со временем учёбы. Её могли прервать на любом этапе, исходя из хозяйственной необходимости.

Из-за трудовых семестров сокращалось время обучения, и вместо положенных по плану 35 недель в году было 30–32 недели со сдвигом учебного года на летние месяцы. Таким образом, у студентов были сокращены и летние каникулы. Считалось, что труд на свежем воздухе должен компенсировать недостаток летнего отдыха. А сокращение учёбы почти на месяц пытались восполнить так называемой «самостоятельной работой студентов – СРС», которой в вузах придавали в то время особое значение.

В советском обществе был актуальным лозунг: «Один – за два!» Год работы на севере засчитывался, как два года. Военнослужащим в горячих точках год службы шёл за два. Стахановцы ставили рекорды: один работал за двоих. Прав-

да в это время около десятка людей не работали на своих рабочих местах, а обеспечивали бесперебойную доставку сырья и орудий труда рекордсмену или просто глазели на чужой труд с секундомером в руках. Позднее в период перестройки и демократизации общества в стране появились всевозможные курсы, учебные заведения, которые в ускоренном темпе (например, за 3 года вместо 5 лет) выдавали дипломы. О таком искажении всех принятых норм можно было бы говорить долго, да нет особого желания. Лучше мы отправимся вместе с нашими героями туда, где в конце 50-х – в начале 60-х годов студенты совершали трудовые подвиги на сельскохозяйственной ниве.

* * *

Так вот, не успели первокурсники химфака отучиться всего две недели, как их отправили собирать хлопок в совхоз «Пахта-Арал» Чимкентской области Казахской республики. Эта поездка Наташе хорошо запомнилась по ряду причин. Из Алма-Аты на юг республики одновременно выехало несколько составов товарных вагонов, заполненных студентами, причем, не только всех факультетов университета, но и других вузов города. Была какая-то тотальная мобилизация молодёжи на уборку хлопка: «Комсомольцы вперед!» И Наташа впервые уезжала надолго из семьи, только что покинутой кормильцем.

Студентов вывозили на трудовые подвиги как скот в товарных вагонах. В их противоположных углах были сколочены двухъярусные нары. На одной половине вагона располагались девушки, на другой – юноши. Посередине вагона стоял бачок с питьевой водой. В сеточках, чемоданчиках, рюкзаках, висящих на гвоздиках, вбитых в стенки, болтались нехитрые пожитки молодых людей и сухой паёк, взятый из дома. Удобств никаких: ни переодеться, ни умыться, но самое главное, не сходить в туалет. Единственное удобство, которое соорудили сами девушки, – это была занавеска из личных простыней, отделяющая девчачью половину вагона от посторонних взглядов. Девчата и парни курса друг друга пока ещё плохо знали и очень стеснялись, оказавшись вместе на несколько дней в замкнутом пространстве.

Товарный состав медленно тащился в Пахта-Арал через Ташкент. Его часто останавливали на разъездах, на всех станциях, и он часами стоял, ожидая встречные поезда. Когда останавливались где-нибудь в безлюдном месте, то прибегал куратор курса, молодой сотрудник факультета, и в рупор громогласно объявлял: «Юноши – направо, девушки – налево!» То же самое звучало и около соседних вагонов, в которых ехали студенты других факультетов и других вузов. А налево, так же как и направо, расстилалась ровная степь, и ни одного кустика. И студентам приходилось выстраивать живую «стенку», как в футболе, и по очереди за ней прятаться. Потом все руководители убегали к себе в спальный ва-

гон, находящийся в начале состава, студенты забирались в свои теплушки, и поезд трогался дальше. Так что по нужде все ходили строго по расписанию, установленному машинистом поезда или диспетчером ближайшей железнодорожной станции.

Но молодёжь не роптала. Они все были комсомольцы, а их трудностями не испугать: «Назло империализму построим светлое коммунистическое будущее!» И именно сейчас с их помощью в этой теплушке начиналось это строительство. Так думало большинство студентов, и их глаза горели энтузиазмом.

Наконец, через трое суток состав добрался до станции назначения. Из совхоза за студентами прислали грузовые машины. Половину студенческого отряда перегрузили на них, а другую половину повезли дальше по железной дороге, туда, где также требовалась дешёвая рабочая сила. Химическую бригаду, а это было более 40 человек, разбили на 2 группы и повезли их по просёлочным дорогам, минуя центральную усадьбу совхоза, сразу на передовую, поближе к хлопковым полям.

Когда группу студентов, где находилась уже известная нам тройца девчат-подружек, высадили среди низеньких зарослей какого-то кустарника, высотой в 1,5 метра, то сначала все увидели стоящий в стороне деревянный туалет, только что сколоченный из новеньких досок. Студенты с облегчением выдохнули, так как ситуация с туалетом всех здорово

подкосила. Энтузиазм энтузиазмом, но многие всю дорогу боялись пить воду, несмотря на жару, а тем более что-нибудь кушать.

Подальше за кустарником виднелось какое-то одноэтажное глинобитное строение с пустыми проёмами вместо окон и дверей, чем-то напоминающее макет для съёмок кинофильмов о басмачах. Оттуда доносился стук молотков. Оказывается, внутри этого сарая плотники лихорадочно достраивали опять те же 2-х ярусные нары и выгребали из углов засохший навоз. Потом привезли грузовую машину соломы. Её рассыпали на нары, обтянули всё мешковиной, и получились спальные места для молодых покорителей хлопковых полей. Наташа, хотя она и обладала пока небольшими жизненными познаниями, смогла провести определённую аналогию. То, что им предоставили Министерство путей сообщения и руководство хлопководческого совхоза для отдыха и времяпрепровождения, очень походило на нары для узников концлагерей и заключённых тюрем.

Далее каждому студенту выдали по простынке, фланелевому одеялу не первой свежести и по наволочке. Наволочки набили всё той же соломой – вот и готовая подушка. Дверной проём плотники завесили брезентом, а оконные – не стали ничем закрывать. Сказали, что погода пока жаркая, по ночам ещё душно, так что через пустые оконные дыры будет хоть приток свежего воздуха. Ведь в комнате как-никак поместилось около 20 человек: двадцать советских студентов,

двадцать комсомольцев.

Пока студентам достраивали их жилище, они занялись обустройством столовой. Ребята натянули большую солдатскую палатку. Около сложенной из кирпича плиты уже сновала местная повариха с наведёнными сурьмой чёрными бровями. На ломаном русском языке она распоряжалась, показывая, куда поставить столы, скамейки, кухонную утварь, кули с провизией.

Стемнело, когда, наконец, всё обустроилось. Студенты при свете маломощной лампочки, светившейся от движка переносной электростанции, наскоро перекусили тем, что у каждого осталось с дороги, запили, якобы, «чаем», который приготовила им повариха, и который имел какой-то сладковато-затхлый запах. После ужина представитель совхоза и куратор курса провели собрание. Были выбраны: бригадир отряда, звеньевые, помощники повара. Студентам объяснили: какие трудовые подвиги ждёт от них страна, какие здесь расценки за собранный хлопок и т. п. . . . И после такого насыщенного на события дня будущие покорители хлопковых полей легли вповалку на нары прямо в одежде: девушки – на верхнем ярусе, юноши – на нижнем. Потихоньку все утомились. Замолк движок, потух свет, и студенческий лагерь погрузился в сон.

На другой день всех подняли с утра пораньше, мотивируя это тем, что из-за жары здесь лучше всего работать в ранние утренние часы и потом после обеда ближе к вечеру. Все быстро позавтракали отварными макаронами, заправленными подозрительным маслом (студенты окрестили его «соли-долом»), выпили по стакану чая с кусочком хлеба, намазанного джемом. Потом все строем пошли пешком на хлопковые поля.

Да... А поля-то там были бескрайние. До самого горизонта виднелись уходящие в перспективу ровные ряды низеньких кустиков, усыпанных белыми комочками ваты. Рядом с полем около дороги был построен небольшой навес от солнца, под ним – большие весы и ворох пустых мешков. Это был приёмный пункт. Неподалёку раскинулась небольшая рошица из нескольких чахлах деревьев и низенького кустарника. Кое-где под ними виднелась пожухлая от жары травка. Этот кусочек земли на целый месяц станет для студентов местом отдыха во время обеденного перерыва. Там они будут обедать, там же за кустиками справлять нужду. Всё под рукой, и далеко ходить не надо!

Получив по большому мешку и привязав его к поясу, студенты рассредоточились по рядкам и... ВПЕРЕД! Ах, каким был мягким пушистый комочек ваты, высывающийся из

раскрытой коробочки! И ох, до чего же эта коробочка была жёсткая, с острыми засохшими краями! В первые же минуты работы все поранили ими свои пальцы. Особенно больно было, когда края коробочек вонзались около ногтей. И вот так под палящими лучами солнца, согнувшись до земли, так как высота кустиков была 30–40 сантиметров, и, волоча по земле за собой или перед собой постепенно наполняющийся мешок, студенты проработали несколько часов.

Потом им в бидонах свои же поварята привезли обед. Расположившись на земле под тенью чахлых деревьев, сборщики хлопка съели какой-то супчик, из той же миски – макароны с несколькими кусочками мяса, и напоследок – компот из сухофруктов.

После двухчасового отдыха в полевых условиях все снова таскали за собой по необозримому полю мешки с ватой. Вечером с непривычки трудно было разогнуться. Ныла спина, болели исколотые пальцы. Ужинали опять при свете движка. Без особого аппетита ели какую-то кашу и запивали её тёмной, подкрашенной жжённым сахаром, и неизвестно чем пахнущей жидкостью, именуемой «чаем».

Спать все ложились в том, в чём шли на трудовые подвиги. Переодеться или помыться не было никаких условий. Между их жилищем и туалетом стоял общий, длинный ручной-ник, больше всего походивший на поилку для скота. Хорошо было ребятам. Они первыми захватывали место под ручной-ником, раздевались по пояс и, набрав в ладошки дра-

гоценную для этих мест влагу, пытались хоть как-то смыть с себя пот и пыль. А вот девушкам было сложнее. Лицо и руки – это единственное, на что хватало им воды после ребят, да и раздеться было невозможно. И никакой личной гигиены!

И так день за днём, без особых изменений, текли трудовые будни. Работа на солнце была для многих непривычной и изнуряющей. От тяжёлой работы и жаркой погоды терялось много влаги, и, конечно, одного стакана компота в обед было недостаточно. Все мечтали о простой холодной воде из-под крана. На приёмном пункте стоял бачок с питьевой водой. Но алмаатинцам, приехавшим из горной местности и привыкшим к чистой и холодной воде из-под таящих ледников, она показалась очень противной на вкус и, кроме того, была почти горячей от солнца. А куратор курса ещё и предупредил всех, что сырую воду лучше не пить, так как велик риск заболевания кишечными инфекциями.

Но даже и такая вода была на минимуме. На их стоянку воду привозили в цистерне. На ней готовили обед, кипятили чай, ею умывались по утрам и вечерами после работы, но её не хватало. И как часто даже и такую воду забывали привезти вовремя. А в округе ни речек, ни ручейков! И весь день Ж-А-Р-А!

Из всех студентов норму выполнял только один паренёк, Женис. Как оказалось, он был родом из южных районов республики, и ему часто приходилось в школьные годы со своим классом выезжать на помощь хлопкоробам. Кроме того, он

был очень маленького роста, и ему легче, чем остальным, было кланяться до земли. Остальные же студенты имели лишь небольшой опыт в уборке урожая сахарной свёклы, моркови, картофеля. Но не хлопка! Результаты первых дней работы показали, что заработанных ими денег вряд ли хватит на то, чтобы заплатить совхозу за «роскошный» постоянный двор и скудное питание из макарон, перловки, риса, хлеба да ещё «солидола», и чая из жжёного сахара.

Физический труд, свежий воздух и скудная однообразная пища постоянно вызывали у всех чувство голода. Вечерами студенты толпились около кухни, выпрашивая хлеб у своих же девчат, работающих там, в качестве помощников повара. Улучив минутку, те тайком от местной поварихи приносили своим друзьям несколько буханок хлеба, которые тут же разрывались на части и съедались, присыпанные солью. От такой еды всех потом мучила жажда и изжога.

В один из жарких дней Наташа, по примеру других, рискнула во время обеденного перерыва прилечь на голую землю, чтобы хоть как-то расслабить мышцы спины. Земля была тёплая, сухая, и девушка с наслаждением вытянула свои затёкшие ноги, натруженные руки с потрескавшимися пальцами, сломанными ногтями и многочисленным заусеницами от жёстких хлопковых коробочек. Но то, что другим было позволительно, единственной Наташе оказалось противопоказанным.

На другой день она еле-еле поднялась к завтраку. И, к сво-

ему удивлению, поняла, что с ней творится что-то неладное. У неё так разламывало спину и поясницу, так тянуло ноги, что она не могла ни сидеть, ни стоять. Только лежать в одной определённой позе. О работе в наклон нечего было и говорить. Куратор курса разрешил Наташе отлежаться три дня. Кто-то из студентов поставил диагноз «радикулит» и посоветовал пить анальгин. Вот и всё лечение. Но молодой организм взял своё, и через три дня Наташа потихоньку стала ходить по полю. Работала больше для видимости, так как поясница ещё болела, и было тяжело совершать земные поклоны.

* * *

Один раз в неделю по воскресеньям к студентам приезжала кинопередвижка. Между двумя шестью натягивали белую простынь, из столовой приносили скамейки, и все с удовольствием смотрели полустёртые, порванные ленты старых кинофильмов. Кроме этого, студенты зачитывали до дыр привезённые с собой книги, обмениваясь ими друг с другом. В этом заключался весь их досуг. В то время, когда усиленными темпами развивалось телевидение, в этом, богом забытом уголке, где собирали ценнейшее сырьё, вывозимое на экспорт, даже примитивного радиоприёмника не было. Раз в неделю вместе с кинолентами привозили газеты, но их успевали прибрать к своим рукам юноши. Так что оторванность от цивилизации была полнейшая.

Через две недели работ на изнуряющем солнце всех повезли в местную баню. Это была мазанка, стоящая около бурной речки с мутной глинистой водой. Сначала в баню запустили девчат. В темноватом помещении с маленькими оконцами стояли два чана: один – с горячей, другой – с холодной водой. Вода была немногим светлее, чем в речке.

– Девчонки, да как же мыться в такой воде? Я брезгую!

– Девочки, ну что вы шумите? Вода-то горячая! Нужно рискнуть, а то не успеешь оглянуться, и вши заведутся.

– Я предлагаю мыться, как меня учила моя мама: нужно намочить голову, намылить её, а потом грязную пену смыть чистой водой, поливая из ковшика.

Все шумели, высказывали свои мнения, делились пока еще небольшим жизненным опытом по весьма прозаичному вопросу: как отмыть с себя двухнедельную грязь и пыль с хлопковых полей мутной глинистой водой?

Тем не менее, такая вода потом на многих подействовала благотворно. Волосы стали мягкими, пушистыми, кожа – шелковистой. Наверное, это был эффект глины. Не повезло только Дине. Она решила помыть свои рыжие вьющиеся кудряшки по своей методике: сделала в тазике мыльную воду, взбила её до пены и окунула в такую воду свою голову. В этот момент из жёсткой воды под действием мыла стали выпадать растворённые в воде минеральные соли, и они все осели на Дининых волосах. Всплывшее «сало» забило её кудряшки так, что Дина уже ничего даже по общепринятой

методике не смогла сделать. Её волосы после просушки были похожи на свалывшуюся паклю, и до конца трудового семестра ей приходилось волосок за волоском освобождать из соляного плена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.